

УДК 94(3)

DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.89-101

ОБРАЗ ТАМЕРЛАНА В «ПОВЕСТИ О ТЕМИР-АКСАКЕ»***Д.А. Ляпин***

*Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
Елец, Российская Федерация
Lyapin-denis@yandex.ru*

Цель исследования: показать особенности образа Тамерлана (Темир-Аксака) в русских летописях XV–XVI вв. и проследить специфику его изменений в разных летописных текстах в зависимости от этапов развития Русского государства.

Материалы исследования: русские летописи XV–XVI вв. (Московский великокняжеский свод конца XV в., Типографская летопись, Никоновская летопись). В дополнение приводятся источники устного происхождения, в частности, легенды.

Результаты и научная новизна: В изначальной версии «Повести о Темир-Аксаке» его образ имел религиозное значение и был важен для демонстрации идеи заступничества Бога за благочестивых людей. Тамерлан (Темир-Аксак) был представлен гордым и злобным мучителем христиан, покусившимся на православие. В последующем варианте повести грозный завоеватель является уже коварным разбойником, посягнувшим на священные границы Московского княжества. Для реализации этой идеи потребовалось обращение к библейской теме, и за основу была взята история о нашествии ассирийского царя Сеннахирима на Израиль. При этом редактор второй версии отказывается признать Тамерлана царем. В третьем варианте исследуемой Повести, отразился новый взгляд на события 1395 г. Чтобы усилить мотив божественного заступничества за Москву, автор превратил Темир-Аксака в настоящего царя, грозного покорителя народов, решившего в своей гордости напасть на владения московского князя, но никому, даже самому прославленному полководцу, не дозволено вторгаться в пределы владений благочестивого государя. В итоге, в статье показано, как произошла эволюция образа Темир-Аксака: от гонителя христиан и разбойника до царя и завоевателя.

Ключевые слова: Тамерлан, Василий, Киприан, Токтамыш, Москва, Русь, Орда, Елец

Для цитирования: Ляпин Д.А. Образ Тамерлана в «Повести о Темир-Аксаке» // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 1. С. 89–101. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.89-101

IMAGE OF TAMERLANE IN THE TALE OF TEMIR AKSAK

*D.A. Lyapin**Bunin Yelets State University
Yelets, Russian Federation
Lyapin-denis@yandex.ru*

Abstract: *Research objectives:* The author investigates the evolution of the image of Tamerlane (Temir-Aksak) in the Russian chronicles of the fifteenth and sixteenth centuries to understand the specifics of his depiction in different chronicle texts. The author considers it important to analyze the dependence of the image of Tamerlane on the political situation in Russia.

Research materials: Three important Russian chronicles of the fifteenth and sixteenth centuries: the Moscow chronicle dating from the end of fifteenth century, the Typographical chronicle, and the Nikon chronicle. In addition, sources of oral origin are investigated – particularly legends.

Results and novelty of the research: In the original version (the Moscow collection of the late fifteenth century) of the Tale of Temir Aksak, his image had religious significance and was important for demonstrating the religious idea of God's intercession on behalf of the Orthodox people. In this text, Tamerlane was presented as a very proud and vicious king who wanted to destroy Orthodoxy. Tamerlane was at war with the religion of the Russians, threatening the Russian Orthodox faith. In the second version of the Tale, found in the Typographic Chronicle, the formidable conqueror is presented as an insidious robber who decided to attack the sacred borders of the Moscow principality. The realization of this idea required an appeal to a Biblical theme. As a result, the plot was based on the story of the invasion of Israel by the Assyrian emperor, Sennacherib. At the same time, the editor of the second version refused to recognize Tamerlane as an authentic emperor. The third version of the Tale, found in the Nikon Chronicle, reflected a new perspective on the events of 1395. To strengthen the motive of divine intercession for Moscow, the author turned Temir Aksak into a real tsar, a formidable conqueror, and a very proud ruler. He decided to conquer the possessions of the Moscow prince though nobody, even the best commander, ought to be permitted to invade the domains of the pious sovereign.

For the first time ever, this article shows the evolution of Temir Aksak's image. The author demonstrates the relationship between its editing and the political situation in Russia. In the sixteenth century, when the Nikon Chronicle was compiled, it was important that Tamerlane was a strong king and a famous commander. But after the decision of the prince Vasily I of Moscow to bring the icon of the Mother of God there, we see God putting the conqueror to flight. Moscow's prince is the exclusive ruler chosen by God.

Keywords: Tamerlane, Vasily, Cyprian, Tokhtamysh, Moscow, Russia, Golden Horde, Yelets

For citation: Lyapin D.A. Image of Tamerlane in the Tale of Temir Aksak. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 1, pp. 89–101. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.89-101 (In Russian)

«Повесть о Темир-Аксаке» (далее – Повесть) – памятник средневековой русской литературы, посвященный нашествию Тамерлана (Темир-Аксака) на юго-восточные земли в 1395 г. Считается, что она была написана в период между 1402 и 1418 годами, хотя мнения на этот счет различны [7]. Со временем, на протяжении XV–XVII вв., текст Повести неоднократно перерабатывался и дополнялся.

История о Темир-Аксаке не часто привлекала внимание ученых, несмотря на свою популярность и распространение в рукописной книжности допетровской Руси. Первым ценным исследованием ее текста стали замечания А.А. Шахматова, высказанные в 1901 г. по поводу ранних редакций произведения [30, с. 62–63]. Затем в 1945 г. на Повесть обратил внимание С.К. Шамбинаго в обобщающем очерке об исторических произведениях [29]. В книге по истории древнерусской литературы академика А.С. Орлова, вышедшей в том же году, Повесть не упомянута [20]. Точно также не попала она и в обстоятельную «Историю Древнерусской литературы» Н.К. Гудзия (1966) [5], в работу Д.С. Лихачева «Великое наследие» (1979) [11] и в пособие по древнерусской литературе О.В. Творогова (1981) [25].

Однако Л.В. Черепнин в книге об образовании единого русского государства (1960) отдал должное значимости Повести для своего времени и высказал мнение об обстоятельствах ее появления, которые потом были отчасти развиты В.П. Гребенюком [28; 4]. Согласно этой версии автор повести целенаправленно искажал события, связанные с длительной борьбой русского народа против татарского владычества, показав их с точки зрения интересов «правящего класса», т.е. церковь и московский князь получили главные роли в развитии сюжета, а главный герой событий – русский народ, оказался пассивным персонажем [28, с. 675].

В 1980-е годы заметный вклад в изучение текста Повести внесли Л.А. Дмитриев и И.Л. Жучкова [6; 7]. Свою версию истории произведения предложил Б.М. Клосс (2001), весьма критически подошедший к работам предшественников [9, с. 63–65]. Ученый выдвинул предположение, что автором ее был известный русский книжник Епифаний Премудрый (ум. около 1420 г.), а первая версия памятника вошла в состав Типографской летописи и внелетописных памятниках.

Образ Тамерлана (Тимура) русских летописей не был предметом специального изучения в российской историографии. Большинство ученых только описывали поход завоевателя на Русь, опираясь на летописный материал, не останавливаясь на этих событиях подробно. К примеру С.М. Соловьев уделил походу 1395 г. всего несколько строк, отмечая «разбойную» карьеру завоевателя и его воинские успехи [24, с. 492–493]. Подобным образом поступали и другие историки. Исключением может быть только Н.М. Карамзин, который к традиционным русским летописям, повествующим о войне Тамерлана и Токтамышша, добавил сведения из труда Шериф ад-дина Али Йезди [8, с. 165–167]. Отступление от русских границ огромной армии он считал следствием разочарования Тамерлана в богатствах Русских земель. В XX в. личность грозного полководца оказалась в центре внимания благодаря работам советских востоковедов, и, прежде всего, В.В. Бартольда [1, с. 37–62]. Обстоятельное описание войны Токтамышша и Тамерлана было сделано Г.В. Вернадским [2, с. 274–283]. Уход армии «Темир-Аксака» от русских границ он объяснял его неготовностью к новой войне [2, с. 274–283]. В новейшей историографии биография Тимура подробно рассматривалась И.М. Миргалеевым в книге о политической истории Золотой Орды в период правления Токтамышша, а также в научно-популярном издании «Войны Токтамыш-хана с Аксак Тимуром» [17; 18]. Отметим также, статью В.Л. Теплицына о народных мифах и преданиях о Тамерлане [26].

В центре внимания данной работы находится один из главных героев Повести – Темир-Аксак (Тамерлан). Исследование построено на сравнении трех текстов произведения, где наблюдаются существенные отличия в построении его литературно-художественного образа: Московского великокняжеского свода 1479 г., Типографской летописи (первая половина XVI в.) и Никоновской летописи (вторая половина 1520-х годов). Краткий и лаконичный рассказ Ермолинской летописи остается за пределами нашего внимания, поскольку образ Темир-Аксака здесь не такой яркий, а редактор, скорее всего, использовал текст этой истории из общего протографа, значительно сократив его содержание [19, с. 260–274]. Точно также история о Тамерлане в Софийской II летописи почти полностью повторяет образ завоевателя из Типографской летописи и потому нет смысла обращаться к ее тексту.

Итак, основным источником для написания статьи стали три вышеназванные русские летописи. При работе с ними использовался, прежде всего, сравнительно-исторический метод, позволивший провести сопоставление contemporaneous текстов между собой, выделить между ними общее и особенное. При интерпретации источников применялись герменевтические принципы, связанные с выявлением корпуса возможных заимствований, в том числе из Библии. Такой подход позволил нам провести сопоставление летописного материала с породившей его исторической реальностью.

Московский великокняжеский свод конца XV в. повествует читателю как «безбожный царь» Темир-Аксак завоевал много царств и народов, а потом напал на золотоордынского царя Токтамыша [23, с. 222]. Победив в бою и этого соперника, грозный завоеватель решил идти войной на Русскую землю. Он пришел к границам Рязанского княжества и захватил город Елец и «много людей помучи». Узнав об этом, Великий московский князь Василий Дмитриевич принялся собирать войска, готовясь к битве с внезапным врагом, и двинулся на Оку. После этого сугубо исторического и лаконичного введения, автор свода, не жалея темных красок, рисует Темир-Аксака гордым, злым и жестоким гонителем христиан, хвастающимся, что, взяв и разорив Елец, пойдет на Москву, чтобы искоренить христианскую веру: *«христьянь воевати»*, *«мгста свята раззорити, а (в)гру христьяньскую искоренити, а хрестьянь гонити, томити и мучити»*. Летописец сравнивает его с римскими императорами-язычниками: эти «зловѣрнии царе» являлись подлинными извергами для набожных христиан и противниками самой христианской веры [23, с. 222–223]. Москвичи были очень напуганы приходом столь ужасного царя, искоренителя христианской веры, и только митрополит Киприан мужественно *«заповеда тогда встѣм людем поститися и молитися и молебны пѣти»* [23, с. 223].

Вслед за тем Василий Дмитриевич, митрополит Киприан, а также братья Великого князя, собрали совет и решили принести из Владимира чудотворную икону Божией Матери, потому что Богородица *«избавляет христиан от глада и пагубы, от труса и потопа, от огня и меча и от нахоженна поганых и от нападения иноплеменникъ и от нашествия ратных»*. Совет постановил, что следует молиться, уповать на Бога и просить Богородицу о заступничестве и прощении в совершенных грехах [23, с. 223]. Чудотворную икону скоро привезли в столицу, организовав всеобщее народное моление.

После описания этих событий автор вновь возвращается к образу Темир-Аксака, изображая его злобным язычником, всей душой ненавидящим христиан: разорив Елец, он жаждет еще больше христианской крови и собирается на Москву. «Поганый царь» уже распалился гневом, стал страшен так, что не имел и вида человеческого, а весь облик его был мерзок и безобразен, и «зѣло убо дыща» помыслил пойти войной на христиан и «*овцы христовыя паствы*», более того – «*на самое христово имя*». Но вдруг случилось удивительное: Темир-Аксак «*убояся и устраишися зѣло*» и спешно возвратился назад, «*гоними гнѣвом божшим*» [23, с. 224].

Итак, Тамерлан в тексте Московского великокняжеского свода конца XV в. выступает как противник христианства, цель его прихода к границам Руси – уничтожение православия, а не просто завоевание новых земель. Захватив пограничный Елец, он принимается «мучить христиан», а затем заявляет, что уничтожит христианство. Такой образ Темир-Аксака создан для того, чтобы подчеркнуть религиозное значение происходящего, показать заступничество Бога за тех, кто искренне верит и надеется на Него перед угрозой беды. Конечно, немалую роль в сюжете играют представители власти: митрополит Киприан и московский князь, устраивающие массовое народное моление перед доставленной из Владимира чудотворной иконой Богородицы. Показательно, что основную роль в событиях спасения Руси от «поганого царя» играет именно митрополит как представитель церкви.

В **Типографской летописи** рассматриваемая история значительно расширена, хотя нет сомнений в ее текстологической схожести с Московским сводом [22, с. 160–165]. Увеличение объема произведения связано с некоторыми существенными добавлениями и, прежде всего, с рассказом о жизни Темир-Аксака.

Будущий завоеватель, по словам редактора текста, родился в бедной семье и был от рождения рабом. Темир начал работать кузнецом у своего господина, но обладал таким злым нравом, что был выгнан хозяином. Неспособный ни к какому честному труду, злобный и жестокий, он принялся разбойничать и жил, «*в оубожествѣ крадя и ядыше*» [22, с. 160]. Однажды жители сильно избили надоевшего им грабителя и, решив, что он мертв, бросили его «*тсомъ на снѣденіе*». На самом деле Темир остался жив, но сломал ногу, которую заковал в железо, навсегда став хромым. Отсюда якобы и происходит его прозвище «Темир-Аксак», т.е. Железный Хромец [22, с. 161].

Вскоре злодей вновь стал разбойником, еще более жестоким («*поущи прежняго бысть лють*») и собрал вокруг себя большую ораву таких же как он отъявленных злодеев («*злии челоувѣци*»). Вначале их было сто человек, и они провозгласили своего вожака старейшиной, затем их стало тысяча и Темир получил «титул» князя, а когда его разбойничья ватага «*многи земли поплѣни*», то он был назван царем [22, с. 161].

Таким образом, Темир-Аксак для автора этой версии Повести не являлся подлинным монархом. Разбойничья банда просто скопировала существующие нормы социальной иерархии, называя своего вожака «царем», но по сути провозглашенный ими правитель остался всего лишь грабителем, о чем свидетельствует все его поведение. Даже военные победы описываются в этом варианте Повести как злодейство. Это не удивительно, ведь настоящую войну с царями может вести только истинный царь, а действия разбойника все-

гда останутся злодейством, какие бы масштабы они не имели. Автор типографской версии Повести не жалеет эпитетов, чтобы подчеркнуть эту разбойничью суть завоевателя, называя его при этом «*свирепым и страшным мучителем и губителем*» [22, с. 161–162].

По всей вероятности, в понимании редактора текста только золотоордынский хан мог быть подлинным царем для русских земель, способным выступать орудием божьего гнева. Версия Типографской летописи целенаправленно избегает называть Темир-Аксака царем, что хорошо заметно: «*Сий же Темиръ Аксакъ многы рати нача вторити...*», «*Темиръ Аксаку же стоящую в едином мѣсте...*», «*...грози Темиръ Аксака, гонители и мучителя...*», «*Бѣша бо сей Темиръ Аксакъ велми нежалостивъ*» и проч. [22, с. 160–162]. Лишь один раз в самом конце Повести Темир-Аксак именуется царем. При этом показательно, что царем в тексте всегда называется хан Золотой Орды Токтамыш [22, с. 160–161].

Еще одна важная особенность этой версии событий 1395 г. связана с отсылкой читателя к истории о нашествии ассирийского царя Сеннахирима на Израиль, описанная в Книге пророка Исайи [22, с. 164]. Этот библейский сюжет рассказывает о том, как в годы правления царя Езекия к его границам подошел грозный завоеватель ассирийский царь Сеннахирим, подчинивший до того много стран и земель. Ему быстро удалось взять несколько пограничных городов Иудеи, и он уже думал двинуться на Иерусалим. Но прежде начались переговоры. Ассирийский посланник убеждал евреев покориться более сильному царю (Ис 36:10), он передавал гордые насмешки своего повелителя над надеждами Езекии на своего Бога (Ис 36:15–20). После окончания переговоров Езекия отправился в храм, где долго молился, пока к нему не пришли люди от пророка Исайи. Они начали ободрять царя и от имени посланного их уверяли, что Бог заступится за Израиль и покарает надменного завоевателя. В итоге так и случилось: над станом врага явился ангел и поразило множество ассирийцев, а сам гордый Сеннахирим, испугавшись, бежал от границ Израйля (Ис 37: 36–37).

Несомненно, что история похода Сеннахирима на Израиль и его неожиданное отступление очень схожи с событиями 1395 г. Точно также, как Сеннахирим, Темир-Аксак завоевал много земель и народов, подошел к русским землям и взял пограничный город Елец. Затем великий князь Василий (как и царь Езекия) начал молиться о помощи Богу, а митрополит Киприан (также, как и пророк Исайя) ободрял его и устроил массовое моление о спасении Москвы.

Названные параллели с библейским сюжетом дают все основания для предположения о том, что автор Повести использовал именно его для создания своего повествования [14]. Однако существует мнение, что образцом для редактора послужило другое произведение – «Повесть о нашествии персидского царя Хозроя на Царьград». Конечно, это произведение могло быть известно русскому книжнику, но не могло оказать решающего влияния на созданный им текст. Смысловая нагрузка повести о Хозрое была слишком далекой от той, которая требовалась для редактора истории о приходе Тамерлана. Следует также обратить внимание и на низкие художественные достоинства этого памятника переводной литературы [12].

Еще один важный эпизод, в котором важную роль играет Темир-Аксак, связан с тем, что его изгнание происходит не на поле боя (воины двух армий

даже не увидели друг друга), а исключительно по молитвам Василия, Киприана, высших иерархов и всего народа. Автор текста специально обращает внимание читателя на это обстоятельство: «*Не наши воеводы прогнаша царя Темир Аксака, ни наша воинства устрашили его, но силою невидимою... страхомъ Божиимъ оужасеся*» [22, с. 163]. Именно так подчеркивается важная роль церкви для формирования молодого Московского государства, поскольку именно ее первой задачей является моление Всевышнему о заступничестве за русские земли.

Итак, в типографском варианте Повести Тамерлан выведен в образе разбойника, дерзнувшего напасть на Москву и поплатившегося за это Божьей карой. Прямая отсылка к истории Сеннахирима подчеркивала важный сакральный статус Москвы, которая тем самым ассоциировалась с новым Израилем, священной землей, находящейся под особой божественной защитой от нашествия «измаильтян» (так в летописях назывались восточные народы, считавшиеся потомками Измаила – сына библейского Авраама). В этой связи показательны рассуждения летописца о том, что «*единъ той же Богъ и тогда и нынѣ*» и так же защищает избранную страну от нашествия «поганых» [22, с. 164].

Никоновская летопись содержит свой вариант Повести, удачно вплетенный в общую канву событий конца XIV в. Прежде всего автор предлагает другую версию биографии главного героя [21, с. 151–152]. Вместо раба Темир-Аксака становится аристократом, сыном старейшины в богатой и знаменитой восточной земле «Междорѣчїе». Обладая злым характером, он однажды отнял у людей отару овец и был ранен стрелой в ногу, с тех пор и стал хромать. Карьера грозного завоевателя складывалась весьма успешно, со временем он собрал свою армию и начал воевать с соседними царями. Особенно подробно летопись описывает его конфликт с «турским царем Баязитом». В итоге, победив множество правителей различных стран, он стал великим восточным монархом, но нрав его испортился еще больше. Завоевывая страны, Темир-Аксака приказывал закапывать в землю взятых в плен женщин живыми, а однажды, увидев множество плачущих детей, оставшихся без родителей, велел воинам убить их всех, пошутив, что тем самым избавит от тягот мирской жизни («*освободихъ ихъ от труда міра сего*») [21, с. 151–152]. Возгордившись, Темир-Аксака сравнивал себя с самим прославленным завоевателем Александром Македонским [21, с. 152]. В тексте летописи нет явного осуждения гордыни успешного полководца, как это было в версии Московского великокняжеского свода конца XV в., и его многочисленные походы представлены как воинские успехи, а не как разбойные похождения из типографского варианта Повести. Тамерлан в Никоновской летописи – настоящий царь-завоеватель народов и земель.

В результате успешных походов Темир-Аксака покорил множество земель, а размер его армии достиг 400 тыс. человек [21, с. 152]. С таким громадным воинством он «*пришедъ къ великой Орды*» и победил Токтамыша, прогнав его. После очередной победы он «возгорѣся» и решил пойти на Русь [21, с. 152]. В 1395 г., придя к русским границам, Тамерлан разорил Елец и пленил елецкого князя. В Москве Василий Дмитриевич, узнав о пришествии врага, собрал войско и смело двинулся к Оке. Здесь он повелел доставить из Владимира в свою столицу икону Богородицы. Как только это повеление князя было исполнено, в то же время на Темир-Аксака напал «страх и трепет» и он спешно бежал назад.

Мотив народного моления здесь сведен к минимуму, о нем упоминается вскользь. Богородица заступилась за Великого князя Московского после того, как тот повелел принести ее образ в Москву. Митрополит Киприан и вовсе исчезает из текста, а главная роль принадлежит целиком великому князю. Тем самым Никоновская летопись указывала читателю на особый, сакральный статус правителя и священный характер его власти.

Образ Тамерлана в никоновском варианте Повести легко понятен читателю: теперь он выступает как грозный завоеватель, обладатель огромной армии, подлинный царь. Тем самым летопись подчеркивает, что Богородица, заступившись за московского князя, прогнала не просто разбойника, а подлинного завоевателя, сравнимого с Александром Македонским, и чудо заступничества за Василия Дмитриевича получает уже иной, гораздо больший масштаб.

Итак, перед нами три разных образа Тамерлана, отразившиеся в трех летописных вариантах Повести. Вопрос об их соотношении специального текстологического исследования с привлечением нелетописных списков, но если мы будем исходить из идейной специфики каждого рассмотренного варианта, то ситуация представляется следующей.

Изначально образ Темир-Аксака имел чисто религиозное значение и был важен для демонстрации христианской идеи Божественного заступничества, наступающего после благочестивого и искреннего моления верующих. Московский великокняжеский свод конца XV в. рисует своего героя гордым и злобным мучителем христиан, покусившимся на православие. Затем, с развитием московской идеологии, грозный завоеватель предстает перед нами уже как коварный разбойник, посягнувший на священные границы Московского княжества. Тем самым подчеркивалась идея богоизбранности Москвы, как политического центра в деле объединения земель. Для этого потребовалось обращение к библейской теме, а за основу была взята история нашествия Сеннахирима на Израиль, с той только разницей, что редактор отказывался признать Тамерлана законным царем. В Никоновской летописи отразился новый взгляд на события 1395 г. Показывая читателю божественное заступничество за московского князя, автор превратил поверженного Богом Темир-Аксака в настоящего царя, грозного покорителя народов. Быть может, летопись, составленная во второй половине 1520-х годов, отразила осложнившиеся отношения молодого Российского государства и Крымского ханства, правители которого часто грозили походами на русскую столицу. В дальнейшем, в XVI и XVII вв., история о приходе Тамерлана к границам Руси получила множество дополнений и редакций. Известно около двухсот списков этого произведения [4]. Но образ устрешенного царя-завоевателя, обращенного Богородицей в бегство, не претерпел существенных изменений.

Довольно оригинальное и неожиданное продолжение эта история получила в появившейся в XVIII в. в Ельце устной легенде. Как мы знаем, находящийся на русско-татарской пограничной территории город был разрушен войсками Тамерлана в 1395 г., о чем сообщалось в русских летописях и восточных хрониках. Елецкий князь был пленен, а город подвергся сильному разорению [1; 10]. Полноценные археологические раскопки Ельца никогда не велись и следы разорения 1395 г. в настоящий момент неизвестны, хотя летописный город давно уже локализован [27]. Разрушение Ельца было отмечено

и в интересующей нас Повести, причем как в раннем варианте, так и в поздних многочисленных версиях. Благодаря большому распространению и популярности этой истории в 1735 г. елецкий воевода И.Г. Нащокин организовал поездку в Москву для изучения этого события и написания особого образа иконы Богородицы, которая потом стала реликвией в городском соборе [13]. С этого времени начинается развитие местного предания о Тамерлане. К началу XX в. миф оброс многочисленными подробностями: азиатский правитель превратился в «татарского» хана, а самая высокая возвышенность в Ельце стала считаться местом, где стоял его шатер и произошло явления небесной заступницы за Русь. Образ Тамерлана сохранил черты, характерные для Никоновской летописи: он также оставался злым, жестоким царем, завоевавшим многочисленные народы.

Итак, образ Темир-Аксака претерпел несколько важных изменений: *гонитель христиан – разбойник – царь-завоеватель*. Понятно, что эти трансформации отражали стоящие перед редакторами текста задачи и менялись в угоду политическому моменту. Со временем усиливалось идеологическое наполнение текста и, следовательно, множились его копии, как актуального и «правильного» произведения. Так, со временем Повесть превратилась в памятник московской идеологии, прославляющей московского самодержца¹. В контексте предложенной нами версии развития сюжета кажется маловероятным, чтобы идея богоизбранности Москвы могла возникнуть в Повести изначально [10]. Эта «прогрессивная» мысль родилась не сразу и прошла довольно долгий путь своего развития. Во всех редакциях Повести образ Темир-Аксака имел явный негативный оттенок. Для русского книжника любой эпохи восточный завоеватель не был достойным монархом и власть его была не от Бога, в отличие от «ордынских царей».

Таким образом, реальная война Тамерлана и Токтамыша (конец 1380-х – начало 1390-х гг.) причудливым образом нашла свое отражение в памятнике средневековой русской литературы. Реальные военные действия между двумя правителями закончились поражением хана Золотой Орды и сменой политической ситуации во всей Восточной Европе [18]. В процессе разгрома земель своего противника войска Тамерлана подошли к границам Рязанского княжества и в 1395 г. разорили Елец. Конечно же, это событие сильно напугало население еще раздробленных русских земель и озадачило московские власти, не так давно взявшие в свои руки политическое лидерство в Северо-Восточной Руси. Но, к счастью, угрожавшая русским землям армия Тамерлана повернула назад, вызвав всеобщую радость. Столь памятное и яркое событие не могло не впечатлить русского книжника, создавшего назидательную и поучительную историю чудесного заступничества Богородицы. В последствии в XV–XVI вв. Повесть, основанная на действительных событиях 1395 г., много раз привлекала внимание правящей элиты и стараниями новых редакторов стала частью корпуса идеологических произведений, прославляющих московского князя.

¹ Нечто похожее произошло и с другим произведением – Житием Сергея Радонежского. См.: [15].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бартольд В.В.* Улусные эмиры. Царствование Тимура // Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 2. М.: Наука, 1964. С. 37–62.
2. *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. Пер. с англ. Е.П. Беренштейна, Б.Л. Губмана, О.В. Строгоновой. Тверь-М.: Леан Аграф, 2001. 480 с.
3. *Воротынцев Л.В.* Верхний Дон на торговых путях Золотой Орды // История: факты и символы. 2016. № 2 (7). С. 59–73.
4. *Гребенюк В.П.* «Повесть о Темир-Аксаке» и ее литературная судьба в XVI–XVII веках // Русская литература на рубеже двух веков (XVII – начало XVIII в.). Москва: АН СССР, 1971. С. 185–206.
5. *Гудзий Н.К.* История Древней Русской литературы. Москва: Просвещение, 1966. 543 с.
6. *Дмитриев Л.А.* Литература эпохи русского Предвозрождения. XIV – середина XV в. // История русской литературы. Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века / под ред. Д.С. Лихачева и Г.П. Макогоненко. Л.: Наука, 1980. С. 182–183.
7. *Жучкова И.Л.* «Повесть о Темир-Аксаке» в составе летописных сводов XV–XVI вв. // Древнерусская литература. Источниковедение. Л.: Наука, 1984. С. 97–109.
8. *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. СПб.: Тип. Н. Греча, 1819. 285 с.
9. *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. II. Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI вв. М.: Языки русской культуры, 2001. 488 с.
10. *Колесов В.В.* Комментарии / Повесть о Темир Аксаке // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. Составление и общая редакция Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1981. С. 563–567.
11. *Лихачев Д.С.* Великое наследие. 2-изд., доп. М.: Современник, 1979. 413 с.
12. *Ляпин Д.А.* Была ли «Повесть о нашествии персидского царя Хозроя на Царьград» образцом для написания «Повести о Темир-Аксаке»? // Исторический формат. 2016. № 1. С. 218–233.
13. *Ляпин Д.А.* Историческая география Елецкой земли VIII – первой половины XVII в. // Вестник университета Дмитрия Пожарского. 2017. № 2 (6). С. 209–222.
14. *Ляпин Д.А.* Семантика образов и чисел «Повести о Темир-Аксаке» // Русский книжник. № 14. 2015. С. 97–113.
15. *Ляпин Д.А.* Система символов в «Житие Сергия Радонежского» // История в подробностях. 2014. № 5 (47). С. 22–28.
16. *Ляпин Д.А., Воробьев А.В.* Легенда о Тамерлане в историческом сознании жителей г. Ельца XVIII – начала XX вв. // Межвузовские научно-методические чтения памяти К.Ф. Калайдовича. Вып. 9. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2010. С. 21–26.
17. *Миргалеев И.М.* Войны Токтамыш-хана с Аксак Тимуром. Казань: Институт истории АН РТ, 2003. 88 с.
18. *Миргалеев И.М.* Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Алма-лит, 2003. 164 с.
19. *Насонов А.Н.* История русского летописания XI – начала XVIII в. М.: Наука, 1969. 554 с.
20. *Орлов А.С.* Древняя Русская литература XI–XVII вв. М.: АН СССР, 1945. 341 с.
21. ПСРЛ. Т. 11. Никоновская летопись. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1897. 286 с.

22. ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. Пг.: Государственная типография, 1924. 272 с.
23. ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.-Л.: АН СССР, 1949. 462 с.
24. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. 1054–1462. Кн. II. М.: АСТ, 244 с.
25. Творогов О.В. Литература Древней Руси. М.: Просвещение, 1981. 128 с.
26. Телицын В.Л. Тамерлан. Легенды жизни и смерти. «Сезам, откройся...». М.: Таус, 2006. 360 с.
27. Тропин Н.А. Исследования Средневекового Ельца // Труды III (XIX) Всероссийского Археологического Съезда. Новосибирск: СО РАН, 2011. С. 195–196.
28. Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках: очерки социально-экономической и политической истории Руси. М.: Соцгиз, 1960. 899 с.
29. Шамбинаго С.К. Исторические повести // История русской литературы. М.-Л.: АН СССР, 1945. Т. 2. Ч. 1. С. 220–222.
30. Шахматов А.А. Общерусские летописные своды XV–XVI вв. // Журнал Министерства народного просвещения. 1901. Т. 338. С. 32–81.

Сведения об авторе: Денис Александрович Ляпин – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и историко-культурного наследия Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (399770, ул. Коммунаров, 28, Елец, Российская Федерация). E-mail: lyapin-denis@yandex.ru

Поступила 17.01.2022 Принята к публикации 2.03.2022
Опубликована 29.03.2022

REFERENCES

1. Bartold V.V. Ulus emirs. The reign of Timur. Bartold V.V. *Works*. Vol. II. Part 2. Moscow: Nauka, 1964, pp. 37–62. (In Russian)
2. Vernadsky G.V. *Mongols and Russia*. Transl. by E.P. Berenstein, B.L. Gubman, O.V. Strogonova. Tver; Moscow: Lean Agraf, 2001. 480 p. (In Russian)
3. Vorotyntsev L.V. Upper Don on the trade routes of the Golden Horde. *History: Facts and Symbols*. 2016, no. 2 (7), pp. 59–73. (In Russian)
4. Grebenyuk V.P. “*The Legend of Temir Aksak*” and His Literary Destinies in the sixteenth and seventeenth centuries. *Russian Literature at the Turn of Two Centuries (seventeenth and early eighteenth centuries)*. Moscow: AN SSSR, 1971, pp. 185–206. (In Russian)
5. Gudziy N.K. *History of Old Russian Literature*. Moscow: Prosvechenie, 1966. 543 p. (In Russian)
6. Dmitriev L.A. Literature of the pre-Renaissance Russian era. The fourteenth and mid-fifteenth century. *History of Russian Literature*. Vol. 1: *Old Russian Literature. Literature of the eighteenth century*. Ed. by D. Likhachev, G. Makogonenko. Leningrad: Nauka, 1980, pp. 182–183. (In Russian)

7. Zhuchkova I.L. "The Legend of Temir Aksak" in the chronicle of the fifteenth and sixteenth centuries. *Old Russian Literature. Source Study*. Leningrad: Nauka, 1984, pp. 97–109. (In Russian)
8. Karamzin N.M. *History of Russian Government*. Sankt-Peterburg: Typ. N. Grecha, 1819. 285 p. (In Russian)
9. Kloss B.M. *Selected Works*. T. II: *Essays on the History of Russian Hagiography from the fourteenth to sixteenth centuries*. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury, 2001. 488 p. (In Russian)
10. Kolesov V.V. Comments. History of Temir Aksak. *Literary Monuments of Ancient Russia. The fourteenth and mid-fifteenth century*. Ed. by L. Dmitrieva, D. Likhachev. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1981, pp. 563–567. (In Russian)
11. Likhachev D.S. *Great Legacy*. 2nd ed., Supplement. Moscow: Sovremennik, 1979. 413 p. (In Russian)
12. Lyapin D.A. Was "The Tale of the Invasion of the Persian King Chosroes of Constantinople" a model for writing "The Tale of Temir Aksak"? *Historical Format*. 2016, no. 1, p. 218–233. (In Russian)
13. Lyapin D.A. Historical geography of the Yelets land from the eighth to first half of seventeenth century. *Bulletin of the University of Dmitry Pozharsky*. 2017, no. 2 (6), p. 209–222. (In Russian)
14. Lyapin D.A. Semantics of images and numbers in the "Tale of Temir Aksak". *Russian Scribe*. 2015, no. 14, pp. 97–113. (In Russian)
15. Lyapin D.A. The system of symbols in the "Life of St. Sergius of Radonezh". *History in Detail*. 2014, no. 5 (47), pp. 22–28. (In Russian)
16. Lyapin D.A., Vorobiev A.V. The legend of Tamerlane in the historical consciousness of the inhabitants of Yelets from the eighteenth to early twentieth centuries. *Interuniversity Scientific and Methodological Readings in Memory of Kalaydovich*. Issue 9. Yelets: YSU im. I.A. Bunin, 2010, pp. 21–26. (In Russian)
17. Mirgaleev I.M. *Wars of Tokhtamysh Khan with Aksak Timur*. Kazan: Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2003. 88 p. (In Russian)
18. Mirgaleev I.M. *Political History of the Golden Horde during the Reign of Tokhtamysh Khan*. Kazan: Alma-6it, 2003. 164 p. (In Russian)
19. Nasonov A.N. *History of Russian Chronicle Writing from the ninth to early eighteenth century*. Moscow: Nauka, 1969. 554 p. (In Russian)
20. Orlov A.S. *Old Russian Literature from the eleventh to seventeenth centuries*. Moscow: AN SSSR, 1945. 341 p. (In Russian)
21. *Complete Collection of Russian Chronicles*, Vol. 11: *Nikon Chronicle*. St. Petersburg: Typ. Edward Prats, 1897. 286 p. (In Russian)
22. *Complete Collection of Russian Chronicles*, Vol. 24: *Typographical Chronicle*. Petrograd: State Printing House, 1924. 272 p. (In Russian)
23. *Complete Collection of Russian Chronicles*, Vol. 25: *Moscow Chronicle Collection of the late fifteenth century*. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1949. 462 p. (In Russian)
24. Soloviev S.M. *History of Russia with Teachers of the Times. 1054–1462*. Book. II. Moscow: AST. 244 p. (In Russian)
25. Telitsyn V.L. *Tamerlane. Legends of Life and Death*. "Sesame, open up...". Moscow: Taus, 2006. 360 p. (In Russian)
26. Tvorogov O.V. *Literature of Ancient Russia*. Moscow: Education, 1981. 128 p. (In Russian)

27. Tropin N.A. Studies of medieval Yelets. *Proceedings of the III (XIX) All-Russian Archaeological Congress*. Novosibirsk: SO RAN, 2011, pp. 195–196. (In Russian)

28. Cherepnin L.V. *Formation of the Russian Centralized State in the fourteenth and fifteenth centuries: Essays on the Socio-economic and Political History of Russia*. Moscow: Sotsegiz, 1960. 899 p. (In Russian)

29. Shambinago S.K. *Historical Stories. History of Russian Literature*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1945, vol. 2, bldg. 1, pp. 220–222. (In Russian)

30. Shakhmatov A.A. All-Russian annalistic collections of the fifteenth and sixteenth centuries. *Journal of the Ministry of Public Education*. 1901, no. 11, pp. 32–81. (In Russian)

About the author: Denis A. Lyapin – Dr. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Department of History and Historical and Cultural Heritage of the Bunin Yelets State University (28, Kommunarov Str., Yelets 399770, Russian Federation). E-mail: lyapin-denis@yandex.ru

Received January 17, 2022 Accepted for publication 2 March, 2022

Published March 29, 2022